

Глава 1152: Генерал и министр!

- Хуошу! - издали раздался душераздирающий крик.

Когда Далун Руозан увидел, что Ван Чун пронзил Хуошу Хуйцана своим мечом и держит его в воздухе, он почувствовал, что его сердце пронзили десять тысяч стрел.

Вдруг его разум стал совершенно пуст, и его душа, казалось, была похищена. Его глаза потеряли весь свет.

Во время войны на юго-западе кавалерия Королевской Линии Нгари, которую им нужно было воспитывать десятилетиями, была почти полностью уничтожена на берегах реки Эрхай, а область плато, занятая самой Королевской Родословной Нгари, была опустошена чумой, и все же свет в глазах Далуна Руозана никогда не угасал. Когда он был заключен в тюрьму Ценпо, чтобы жить темной жизнью, свет в его глазах никогда не угасал. Даже после того, как они терпели неудачу за неудачей в Таласе, свет в глазах Далуна Руозана никогда не угасал. Даже смерть Дусуна Мангпоче, Орла Плато, не могла заставить глаза Далуна Руозана потемнеть.

Но когда Ван Чун пронзил Хуошу Хуйцана и поднял его высоко в воздух, свет в глазах Далуна Руозана погас, и они стали совершенно лишены жизни.

- Великий Министр, уходим! - с ревущим ветром донесся беспокойный голос. Хуоба Сангье, ведущий остатки Великой Кавалерии Мутри, с тревогой уставился в спину Далуна Руозана.

Арабы уже проиграли, а Кутайба был убит. У тибетцев больше не было причин оставаться в этом месте. Тан мог в любой момент атаковать снова, поэтому насущной задачей было сохранить оставшуюся армию, сбежать из Таласа и вернуться в У-Цан.

Но сейчас Далун Руозан был в совершенно подавленном состоянии, глядя в направлении Хуошу Хуйцана, и совершенно не заботился об остальном мире.

Хуоба Сангье был охвачен беспокойством, и сразу же выкрикнул приказы двум своим воинам Великой Кавалерии Мутри.

- Идите туда и помогите Великому Министру сесть на своего боевого коня, и пусть он немедленно уходит!

- Да! - два кавалериста быстро спешили, яростно схватили Далуна Руозана и посадили его на лошадь.

- Отступаем! - мгновение спустя Хуоба Сангье взял Далуна Руозана, оставшуюся Великую Кавалерию Мутри, и оставшихся тибетских солдат, и побежал в облаке пыли, даже не обращая внимания на арабов, что бежали позади них. Перед лицом бедствия каждый должен был стоять сам за себя. Солдаты Великой Династии скоро догонят, поэтому каждый может взять свою жизнь только в свои руки.

Сила Хуобы Сангье двигалась очень быстро, преодолев десятки тысяч футов всего за несколько коротких мгновений. И когда он услышал шум позади себя и увидел, как тибетцы бегут по пыльной тропе, Абу Муслим только вздохнул со сложным выражением лица. Он знал, что битва окончена.

- Передайте мой приказ! Не нужно пытаться остановить их! Все солдаты, уходите на полной скорости! - работая с тибетцами, арабы могли сдерживать танцев, и сохранить как можно больше боевой силы, когда они вернулись в Самарканд. Но западные турки уже бежали, и теперь тибетцы бежали тоже. Арабы остались одни на поле битвы, и ни один кусок дерева не мог удержать рухнувшие ворота. Единственным выбором здесь было бежать.

Тыгыдык!

Десятки тысяч арабов сбросили свои доспехи и закричали, начав безумно бежать на запад. В отличие от предыдущих нескольких раз, сопротивления не было, и не было никакого стратегического отступления. Не было даже необходимости подавать сигнал к отступлению. Каждый бежал в безумном порыве, чтобы защитить свою жизнь.

- Убью!

В небе раздался крик, загремели военные барабаны. Гао Сяньчжи, Чэн Цяньли, Си Юаньцин, Ван Ян, Цуй Пяоци и Ли Сие бросились вперед. В то же время Божественная Военная Армия, Армия Божественной Тюрьмы, Армия Драконьих Жеребцов, Армия Ревущего Тигра, другие элитные армии и даже баллистические солдаты Су Ханьшаня пронеслись мимо стальной линии обороны, преследуя побежденную арабскую армию.

Ван Чун медленно вытащил меч, осторожно положив труп Хуошу Хуйцана на землю.

- Кто-нибудь! Позаботьтесь о теле Хуошу Хуйцана! Предоставьте ему индивидуальное захоронение. - сказал Ван Чун.

В конце концов Хуошу Хуйцан не смог дожидаться, пока Ван Чун даст ему ответ, но, когда он увидел, что Хуоба Сангье схватил Далуна Руозана и сбежал с поля битвы, известный генерал У-Цана, Великий Генерал У-Цана, который однажды сражался против Чжанчжоу Цзяньцзона, наконец закрыл глаза.

Будучи его врагом, Ван Чун изначально был полон решимости убивать, но как только Хуошу Хуйцан окончательно умер, его намерение убивать отступило, оставив после себя чистое уважение к настоящему Великому Генералу.

Хотя они были смертельными врагами, Хуошу Хуйцана можно было считать настоящим солдатом. Даже в последние минуты он думал не о себе, а о бегущем Далуне Руозане.

Эта улыбка произвела чрезвычайно глубокое впечатление на Ван Чуна.

Возможно, это лучший конец для вас.

С этой мыслью Ван Чун быстро восстановил самообладание и посмотрел вдаль. При взгляде на арабов и тибетцев, отступающих в огромном облаке пыли, его глаза стали острыми и резкими.

Даже если Абу Муслим сбежит на край света, Ван Чун выследит его. Он не даст ему возможности отдышаться, а тем более вернуться снова.

- Хиах!

Белокопытная Тень вздохнула и сразу же совершила прыжок, преодолев более ста футов.

Когда Ван Чун уехал, вся сила, которой обладал Великий Тан в Таласе, была мобилизована.

Даже пастухи Западных Регионов, которые сбежали на большое расстояние, взволнованно закричали, и прекратили отступления. Собрав свои стада, они стали следовать за армией.

- Божественные солдаты! Это должно быть божественные солдаты! - пастух, голова которого была покрыта белым платком, был так взволнован, что все его тело дрожало. Великий Тан действительно преподнес ему огромный сюрприз. Будь то использование Земляной Крепости Бесчисленных Ракшасов, чтобы атаковать Кутайбу, или эта последняя потрясающая битва - Великий Тан никого об этом не проинформировал, даже своих союзников.

Но никто не жаловался на это. Достаточно было победить Аравию и выиграть битву. Войну следует оставить тем, кто несет за нее ответственность.

- Слушайте мой приказ! Команды два и три, - разберите стальные стены! Соберите их вместе, загрузите сталь в транспортные вагоны и приготовьтесь следовать за армией! - Борода Чжан Шоужи развевалась на ветру, а его пожилые глаза ярко сияли. После того, как Чжан Шоужи много раз работал с Ван Чуном, он давно перестал быть простым мастером и теперь кое-что понимал в военном деле. После нескольких месяцев безвыходного положения Чжан Шоужи почувствовал, что эта война закончится не так легко. Она превратится в беспрецедентную охоту, и эти стальные стены могут быть чрезвычайно полезны Ван Чуну в любых будущих битвах.

И теперь, когда город Талас позади него рухнул, не было никакой оборонительной ценности, чтобы удерживать эту землю. Это была бесплодная земля, которая даже не годилась для выпаса скота. Человек с характером Ван Чуна был обязан перенести линию обороны. Чжан Шоужи понял это благодаря взаимному пониманию, которое он развил с Ван Чуном в течение их длительных отношений.

- Убью!

С кавалерией Ушан и Кавалерией Тунло в качестве лидеров, с пастухами и ремесленниками в тылу, началась эта беспрецедентная погоня. Погоня продолжалась днем и ночью, и даже элитные пехотные армии решили сесть на лошадей, чтобы не отставать.

Это было большим табу в обычных обстоятельствах и не позволяло этим элитным солдатам использовать их полную силу, но в такое время военная тактика была совершенно неактуальной. Арабская кавалерия потеряла всю свою волю к борьбе. Впервые в своей истории бесстрашные арабы, которые жили для войны, столкнулись с более сильным и смелым противником. Впервые они пережили полный разгром.

.....

- Великий Министр, поторопитесь! Впереди - каменный мост. Когда мы пересечем его, мы можем разрушить каменный мост, а затем вернуться на Тибетское плато через Большой и Малый Балур, сбросив преследование Тана! - отчаянно крикнул Хуоба Сангье.

Погоня Тана была куда жестче, чем предполагалось. Все это время они бежали из Таласа, и все же рев Тана позади них слышался всегда. Казалось, что Тан был полон решимости преследовать тибетцев и арабов, пока они не будут полностью истреблены.

У Хуобы Сангье был гордый характер, и он повел свою Великую Кавалерию Мутри в эту битву, чтобы исправить свою репутацию, но теперь, Хуоба Сангье даже не осмеливался оглянуться назад.

Ауры Ван Чуна, Гао Сяньчжи, охранника в черной броне, Чэн Цяньли и других были похожи на грозные шторма, и никто из тибетцев не мог противостоять им. Даже такой гордый воин, как Дама Тримо, убрал свой буддийский кинжал и бежал изо всех сил.

Что касается Абу Муслима и Зияда, поскольку они отдали свою энергию Кутайбе, они были чрезвычайно слабы. Более того, у них не было времени отдохнуть или восстановить силы.

В таком состоянии тибетцы и арабы не имели права сражаться с Таном.

Хуоба Сангье повернулся к Даяну ЭрСунронгу.

- Даян ЭрСунронг, возглавьте группу солдат, чтобы задержать арабов, что немного замедлит их. Тан в настоящее время в основном сосредоточены на арабах. Если они на несколько мгновений окажутся в беспорядке, у нас будет больше шансов на выживание!

Несмотря на то, что Дусун Мангпоче и Хуошу Хуйцан были убиты, у тибетцев были солдаты, которые могли сражаться.

- Понял! Даян ЭрСунронг немедленно привел группу солдат, атакующих арабов.

Одной только атакой и хором криков и проклятий Даян ЭрСунронг помешал арабам. Как и ожидалось, солдаты в тылу значительно замедлились и впали в беспорядок. В прошлом Хуоба Сангье никогда бы не осмелился на такое, но теперь, проиграв, обе стороны больше не могли считаться союзниками. Если он и Великий Министр могли вернуться в У-Цан, больше ничего не имело значения.

- Идите! Все идите! Переправьтесь по каменному мосту, и тогда мы сможем его разрушить и прекратить погоню! - крикнул Хуоба Сангье.

Тыгыдык! Горный скакун прыгнул вперед к каменному мосту. За ним тысячи тибетских солдат следовали, как стая рыб, плывущих в потоке.